

ОЛЬГА СЛОБОДСКАЯ

*Петербург, 1893 год.
Ломбард, полный чужих тайн*

Вдова
ПОД ЗАЛОГ

Сыщик, вы мне не по карману

Ольга Слободская

**Вдова под залог. Сыщик,
вы мне не по карману**

«Автор»

2026

Слободская О.

Вдова под залог. Сыщик, вы мне не по карману /
О. Слободская — «Автор», 2026

«Ваше место, сударыня, в трауре и за вышивкой. А не за прилавком, через который шло краденое».Ещё вчера я была Верой, оценщицей антиквариата. Сегодня я Елизавета Лисицына, двадцать четыре года, вдова владельца ломбарда на Гороховой. Петербург, 1893 год. Корсет, долги, родня, которая мечтает упечь меня в сумасшедший дом, и сейф, полный чужих тайн.Сыщик Корф уверен, что мой муж скупал краденое, а я ему помогала. Обаятельный князь присылает белые розы. А под дверью мне подсовывают записку: «Верните часы, вдова. Иначе ляжете рядом с мужем».Какие часы? Понятия не имею. Но собираюсь узнать. Даже если придётся работать вместе с самым невыносимым сыщиком Петербурга.Попаданка, ломбард с историей, расследование, от неприязни до любви и счастливый финал.

Содержание

Глава 1. Опись имущества	5
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Слободская

Вдова под залог. Сыщик, вы мне не по карману

Глава 1. Опись имущества

Яйцо было фальшивое. Я поняла это раньше, чем взяла его в руки, по тому, как его держал хозяин.

Настоящую вещь держат спокойно, как чужого ребёнка: бережно, но без страсти. Подделку прижимают к себе так, будто она сейчас сбежит. Господин Тарасевич держал своё «Фаберже» обеими руками у живота и смотрел на меня, как смотрят на стоматолога, который уже взял в руки щипцы.

— Вера Андреевна, только честно.

— Честно у нас стоит дороже, — сказала я. — Давайте.

Он отдал не сразу. Пальцы у него были влажные, на скорлупе остались отпечатки.

Я повертела яйцо под лампой. Эмаль гильоше, розовая, ровная. Слишком ровная, как кафель в хорошей ванной. Старые мастера гнали узор вручную на станке, и где-нибудь он обязательно чуть уезжал, на волосок. Здесь не уезжало ничего. Клеймо «Фаберже» стояло крупно и гордо, а клейма мастера не было вовсе, будто яйцо сделалось само.

Закон оценщика номер один: чем больше человек заплатил, тем меньше он хочет знать правду.

— Китай, — сказала я. — Хорошая работа, кстати. Лет пять ей, не больше.

— Я за него отдал сорок два миллиона.

— Сочувствую.

Тарасевич побагровел, потом побледнел, потом сказал, что я дура, что у него заключение из Женева и что он сделает так, что я в этом городе даже пуговицы оценивать не буду. Я кивала. За двадцать два года мне обещали много разного, пуговицы были не самым страшным.

Из аукционного дома я вышла в начале восьмого. Гороховая была февральская: под ногами бурая каша с реагентом, сверху мокрый снег, сбоку дворник в оранжевом жилете курил и смотрел, как я спускаюсь по ступенькам. Ступенек было четыре. Я думала про Кузю, которому утром не досыпала корма, и про то, что надо бы зайти в «Пятёрочку».

На третьей ступеньке нога уехала.

Помню, как дворник выронил сигарету. Помню небо, очень близкое, серое, в рыжих пятнах от фонарей. Потом стало тихо.

* * *

Первым вернулся запах.

Ладан, воск, варёный рис с изюмом и уксус. Уксус был совсем рядом: кто-то тёр мне виски мокрой тряпкой, сильно, будто хотел протереть насквозь.

— Лизавета Павловна! Лизонька! Да что ж это, Господи...

Голос был женский, густой, с одышкой. Я лежала и не открывала глаз.

Закон оценщика номер два: если не понимаешь, что перед тобой, молчи. Продавец сам всё расскажет.

— Сомлела, — сказал второй голос, мужской, недовольный. — Капа, не три ты её так, кожу сдерёшь.

— А чего ж не сомлеть, Аркаша. Сорок один год человеку было. Утром чаю попил, к обеду на пол лёг, и всё. Я бы тоже сомлела.

— Ты бы не сомлела.

— Это почему?

— Потому что ты бы сначала сундуки пересчитала.

Женщина обиженно засопела и перестала тереть. Где-то в стороне звякала посуда, кто-то басом читал молитву, сбиваясь на каждом третьем слове, пахло жареным луком и мокрой шерстью. Я лежала на чём-то жёстком, набитом конским волосом, и дышать было трудно. Не от страха. Меня что-то держало за рёбра, плотно, как бандаж после операции.

Корсет. На мне был корсет.

Тут я открыла глаза.

Потолок был высокий, с лепниной по краю и рыжим пятном протечки посередине, похожим на Австралию. Под потолком висела люстра на восемь свечей, горели три. Надо мной наклонилась полная женщина в чёрном, с лицом, как непропечённый калач, и с чёрной кружевной наколкой на волосах.

— Очнулась! — объявила она всей комнате. — Аркаша, очнулась!

— Вижу.

Я подняла руку, чтобы убрать от лица её тряпку, и остановилась.

Рука была не моя.

У меня к сорока шести годам были вполне приличные руки, я за ними следила. Но эта была тоньше, моложе лет на двадцать, с обкусанным ногтем на большом пальце и следом от чернил на среднем. На безымянном сидело кольцо: тонкое, низкопробное, с гранатиком размером с рисовое зерно.

Пятьдесят шестая проба, подумала я, раньше чем испугалась. Гранат чешский, огранка роза. Рублей восемь, если по-честному. Шесть, если торговаться.

Потом я испугалась.

Это продлилось недолго, секунды три. Сердце колотилось, как стиральная машина на отжиме, с тем же грохотом и с той же пользой. Я лежала и разглядывала чужую руку, а полная женщина говорила, что надо бы нюхательной соли, а соли нету, потому что Феденька соли не держал, Феденька вообще ничего полезного в доме не держал, царство ему небесное.

Феденька. Поминки. Сорок один год, утром чаю попил.

Я села. Корсет хрустнул. Комната качнулась и встала на место: гостиная, тесная от людей в чёрном, длинный стол с остатками кутьи и блинов, самовар, фикус, в красном углу иконы и лампадка. В простенке между окнами висело большое зеркало, затянутое чёрным крепом.

Я встала, дошла до зеркала и отогнула креп.

— Лизонька! — ахнула женщина. — Нельзя! Покойник в доме!

Из зеркала на меня смотрела девица лет двадцати пяти. Худая, бледная, рыжеватая, с веснушками, которые не смогла спрятать никакая пудра, если бы пудра была. Пудры не было. Был чёрный глухой воротник под самый подбородок, синяки под глазами и та покорная складка у рта, которую я в своё время вытравливала из себя лет пятнадцать, сначала с психологом, потом с разводом.

Лицо было хорошее. Новое, неношеное. Только чужое.

— Это кто? — спросила я.

Голос тоже был чужой, тонкий, с хрипотцой от слёз.

В гостиной стало тихо. Бас перестал читать молитву.

— Батюшки, — прошептала полная женщина и перекрестилась. — Аркаша. Она головой ударилась.

* * *

Головкой я ударилась, это правда. Но об этом я решила никому не говорить.

Следующие полчаса я сидела на диване с конским волосом, пила чай из стакана в мельхиоровом подстаканнике и слушала. Слушать было удобно: на меня смотрели с жалостью, как на больную собаку, и при мне говорили всё.

Меня звали Елизавета Павловна Лисицына. Мне было двадцать четыре года. Три года назад меня, сироту без приданого, выдали за Фёдора Семёновича Лисицына, владельца ломбарда «Лисицын и сын» на Гороховой улице. Позавчера Фёдор Семёнович выпил утром чаю, а к обеду лёг на пол в кабинете и больше не встал. Сегодня его похоронили на Смоленском. Доктор сказал: удар.

На Гороховой. Я чуть не рассмеялась, вышло бы неуместно. Через три двери от моего аукционного дома, если считать по-моему. Сто тридцать лет, если по-другому.

Полная женщина была Капитолина Ивановна, жена деверя, для своих Капа. Деверь, Аркадий Семёнович, был младший брат покойного: высокий, сутулый, в хорошем сюртуке, с цепочкой от часов поперёк живота. Цепочка блестела, как новенькая. Томпак, подумала я. Под золото. Издали за версту видно, если знать, куда смотреть. Аркадий Семёнович знал, что я смотрю, и прикрывал её ладонью.

Год сейчас, судя по календарю на стене, был девяносто третий. Тысяча восемьсот. Февраль, тоже февраль. Хотя что-то совпало.

Лиза, как я поняла по тому, как со мной говорили, была тихая. Её звали Лизонькой, гладили по руке и обсуждали при ней, как обсуждают мебель.

— Ломбард, конечно, продавать, — говорила Капа гостям через стол, вполголоса, но так, что слышали и в прихожей. — Куда ей ломбард? Она квитанцию от векселя не отличит. Аркаша возьмёт дело на себя, по-родственному. А её к тётке в Лугу. Там воздух.

— Капитолина, — сказал Аркадий Семёнович.

— Что Капитолина? Я по-доброму.

Аркадий Семёнович подсел ко мне, когда гости начали расходиться. От него пахло одеколоном «Цветочный» и мадерой. Он положил на столик рядом со мной лист бумаги, гербовой, исписанной круглым писарским почерком, и чернильницу.

— Лизонька, — сказал он мягко, как говорят с детьми и с лошадьми. — Тебе сейчас не до дел. Подпиши, и я всё сам. Тебе ни о чём думать не придётся.

— Что это?

— Доверенность. На ведение дел.

Я взяла лист. Почерк был красивый, с завитушками, но читать его было как читать рецепт врача. Старая орфография, яти, еры на конце каждого слова, «симь», «уполномочиваю». Я продиралась через это, как через кусты, и в середине второго абзаца нашла то, что искала: «...а равно продавать, закладывать и отчуждать всё движимое и недвижимое имущество по своему усмотрению».

По своему усмотрению. Хорошая формулировка. Я такую видела в договорах лет десять назад, у одного клиента, который потом три года судился с братом за дачу в Комарове.

— Я подпишу, — сказала я.

Аркадий Семёнович выдохнул и подвинул чернильницу.

— Когда пойму, что подписываю, — добавила я и положила лист обратно на столик. Текстом вниз.

Он посмотрел на меня так, будто фикус в углу вдруг попросил закурить.

— Лизонька...

— Елизавета Павловна, — сказала я. — Раз уж я вдова, давайте по-взрослому.

Капа, которая стояла в дверях с чьей-то шубой в руках, тихо охнула и уронила шубу.

* * *

Внизу звякнул колокольчик. Потом ещё раз, длинно и требовательно.

— Кого принесло, — пробормотал Аркадий Семёнович. — Гости все тут.

По лестнице поднимался старик. Я его заметила ещё раньше: он весь вечер стоял у самовара, ничего не ел и смотрел на меня. Лет шестидесяти пяти, с седой бородой, подстриженной лопатой, в жилете с потёртыми пуговицами. Пах он нюхательным табаком и немного мышами. Я по разговорам уже знала, что это Пётр Ильич, приказчик, который служил в ломбарде ещё при отце покойного и, кажется, был в доме единственным, кто горевал всерьёз.

— Полиция, Лизавета Пална, — сказал он мне, не Аркадию. — К вам.

За ним вошли двое. Городовой в шинели, мокрой на плечах, с пашкой, которую он придерживал, чтобы не стукнуть о косяк. И штатский.

Штатского я оценила за то время, пока он снимал шляпу. Привычка, ничего не могу с собой поделать.

Высокий, сухой, лет тридцати пяти. Пальто хорошее, английское сукно, но перелицованное: петли на правой стороне, а пуговицы застёгнуты на левую, и шов на воротнике чуть темнее основной ткани. Брюки отглажены до остроты. Перчатки серые, лайковые, на левой у большого пальца аккуратная штопка. Из-под манжеты, когда он поднял руку к шляпе, мелькнула запонка, и я на неё засмотрелась. Червонное золото, гравировка, работа никак не позже двадцатых годов. Тех, двадцатых. Фамильная вещь.

Человек из хорошей семьи, у которого кончились деньги, но не кончилась гордость. Такие вещи дорого стоят и плохо продаются.

— Надворный советник Корф, сыскная полиция, — сказал он. — Кто здесь вдова Лисицына?

Голос у него был ровный и сухой, как сукно. Все посмотрели на меня. Я поставила стакан. — Я.

Он посмотрел тоже. Глаза светлые, почти прозрачные, и смотрел он ими не на лицо, а как-то сразу сквозь, как смотрят на витрину, где ничего не нужно.

— Примите мои соболезнования, сударыня, — сказал Корф. Соболезнования в его исполнении звучали как пункт протокола. — И постановление.

Он протянул бумагу. Я взяла. Опять яти. Я читала медленно, он ждал, и по тому, как он ждал, было видно, что он считает, будто я не умею читать вовсе.

Постановление было о наложении ареста на кладовую закладов ломбарда «Лисицын и сын» и на кассу «впредь до выяснения обстоятельств». Обстоятельства были такие: у генеральши Штерн из квартиры на Сергиевской украли драгоценностей на одиннадцать тысяч рублей. Часть вещей всплыла у перекупщиков. Перекупщики показали, что получили их отсюда.

— Мой брат был честный человек, — сказал Аркадий Семёнович. Сказал громко, на всю гостиную, но с места не встал. — Это клевета. Я буду жаловаться.

— Жалуйтесь, — согласился Корф, не поворачивая головы. — Канцелярия на Офицерской принимает с десяти до трёх. Сударыня, где ключи от кладовой?

— Не знаю, — сказала я. Это было правдой.

— У меня, — сказал Пётр Ильич и полез в жилет.

Мы спустились вниз все вместе: Корф, городовой, Пётр Ильич со связкой ключей, я, а за мной, конечно, Аркадий с Капой. Гости, которые ещё не ушли, столпились на лестнице.

Ломбард был внизу, под квартирой. Узкая длинная комната с низким потолком, по стенам полки до потолка, на полках узлы, тюки, шубы в холщовых мешках с бирками, самовары, подсвечники, швейная машинка «Зингер» с позолоченными завитушками, гитара, связка серебряных ложек на шнурке. Поперёк комнаты шёл прилавок, над ним латунная решётка с окошком, как в кассе на вокзале. На стене тикали часы с маятником и отставали, судя по моим ощущениям, минут на десять. За прилавком была дверь, обитая железом, с двумя замками.

Пахло нафталином, кожей, пылью и чужой жизнью. Каждая вещь здесь когда-то была чьей-то, а потом её принесли сюда, потому что не было денег на дрова или на врача, или

на карты, или на другую женщину. Я в своей жизни переоценила тысячи таких вещей. Я их любила. С вещами проще, чем с людьми: они не врут, врут только про них.

Корф прошёл за прилавков, как к себе домой, и взял с него толстую книгу в коленкоровом переплёте. Книгу закладов. Полистал, сунул под мышку.

— Это я забираю.

— А как мы будем выдавать вещи? — спросила я.

Он посмотрел на меня с лёгким удивлением, будто снова заговорил фикус.

— Никак. Ломбард закрыт до окончания следствия.

— Сколько будет длиться следствие?

— Сколько потребуется.

— У вас на полках, — сказала я и кивнула на мешки, — штук сорок шуб. Сейчас февраль. Люди заложили шубы осенью, чтобы дожить до весны, а сейчас придут их выкупать, потому что мороз. Они придут с квитанциями, а здесь будет висеть замок. Через неделю у меня под окнами будет толпа, и каждому вы будете объяснять, почему он мёрзнет.

— Объяснять буду не я.

— Вот именно. Буду я. А я не знаю, что им сказать.

Пётр Ильич за моей спиной кашлянул в кулак, очень выразительно. Капа шёпотом сказала «Господи помилуй».

Корф помолчал. Потом подошёл ко мне ближе, чем стоило бы, и я увидела, что у него на подбородке маленький порез от бритвы, свежий, утренний.

— Ваше место, сударыня, — сказал он, тихо и очень вежливо, — в трауре и за вышивкой. А не за прилавком, через который шло краденое.

На лестнице кто-то хихикнул.

Я вспомнила Тарасевича с его яйцом за сорок два миллиона. Вспомнила своего бывшего мужа, который двенадцать лет объяснял мне, где моё место. Вспомнила почему-то даже дворника в оранжевом жилете. Все они смотрели на меня примерно одинаково: как на вещь, про которую заранее всё известно.

— Вышивать я не умею, — сказала я. — А считать умею. Если хотите знать, что именно Фёдор Семёнович принимал от ваших перекупщиков, вам рано или поздно понадобится кто-то, кто отличит бриллиант генеральши от стекляшки. Но это, конечно, если вам нужна правда. Если нужен замок, вешайте замок.

Он не ответил. Смотрел на меня секунды три, долго, как смотрят на клеймо, которое не сходится с каталогом.

— Посмотрим, сударыня, — сказал Корф наконец.

Он кивнул городовому. Тот достал из сумки моток бечёвки, палочку сургуча и свечу. Пётр Ильич отпер оба замка железной двери, и я успела увидеть за ней темноту и край стеллажа. Потом дверь закрыли, перехватили бечёвкой крест-накрест, Корф сам растопил над свечой сургуч и прижал к нему печать. Сургуч зашипел. Запахло горелой смолой.

Тут на прилавок прыгнул кот.

Он был рыжий, огромный, с рваным ухом и с животом, который колыхался отдельно от кота. Он прошёлся по прилавку, как по сцене, понюхал рукав Корфа и зашипел. Тихо, с чувством, показав жёлтый клык.

— Залог, брысь, — сказал Пётр Ильич. — Простите, ваше высокоблагородие. Он у нас только Фёдора Семёновича признавал.

Корф посмотрел на кота сверху вниз. Кот посмотрел на Корфа снизу вверх. Ни один не моргнул.

Потом кот спрыгнул, подошёл ко мне, сел мне на ногу, прямо на подол, тяжёлый, как мешок картошки, и потёрся головой о колено.

Пётр Ильич перестал жевать губами. Он смотрел на кота, а потом на меня, долго, внимательно, будто впервые увидел.

— Признал, значит, — сказал он негромко.

— Завтра в десять, — сказал Корф, натягивая перчатку. — Офицерская, двадцать восемь. Для беседы. Не опаздывайте, сударыня. Я не люблю ждать.

— Я тоже, — сказала я.

Он надел шляпу. На пороге обернулся, будто хотел что-то добавить, ине добавил. Колокольчик звякнул за ним и городовым, и в ломбарде стало тихо, только часы тикали и отставали.

* * *

Гости ушли к девяти. Капа на прощание поцеловала меня в лоб, мокро, и сказала, что зеркало открывать было никак нельзя, это ж такая примета, что и говорить страшно, но она, так и быть, помолится. В прихожей она что-то сунула в свой ридикюль, что-то звякнувшее. Пётр Ильич потом шепнул, что это серебряные ложки, шесть штук, «на память о Феденьке».

— Пусть берёт, — сказала я.

— Как же, Лизавета Пална...

— Они мельхиоровые, Пётр Ильич.

Он помолчал. Потом впервые за весь вечер улыбнулся, в бороду, одними глазами.

Спальня Лизы была наверху, в конце коридора, маленькая и холодная, с узкой кроватью, комодом и вышивкой в рамке на стене. На вышивке были два голубка на ветке. Вышивала, видимо, Лиза. Получилось у неё не очень.

Я разделась с трудом. Корсет шнуровался сзади, и я минут десять крутилась перед комодом, как собака за хвостом, пока не нашла узел. Когда он наконец распустился, я выдохнула так глубоко, как не дышала, кажется, с самого детства.

Потом я легла и стала думать про Кузю.

Он остался там, в квартире на Подъяческой, с пустой миской. Соседка Ирина Петровна иногда заходила, у неё были ключи. Если я лежу где-нибудь в Мариинской больнице с проломленной головой, она догадается. Если не лежу... Об этом я думать не стала. Я поплакала минут пять, тихо, в подушку, которая пахла чужими волосами и лавандой. Потом высморкалась в батистовый платок с вышитой буквой «Л», встала, накинула на сорочку шаль и взяла свечу.

Закон оценщика номер три: не можешь уснуть, иди работай.

Лестница скрипела на четвёртой и седьмой ступеньке. Внизу было темно и холодно, ставни закрыты, только из-под входной двери тянуло сквозняком и светом уличного фонаря. Я поставила свечу на прилавок. Опечатанная дверь кладовой смотрела на меня двумя кругляшами сургуча, как глазами.

Кот уже сидел на прилавке. Будто ждал.

— Ну, Залог, — сказала я. — Показывай хозяйство.

Он не шелохнулся. Он сидел на чём-то, и я не сразу поняла на чём. Подсунула ладонь под тёплый рыжий бок, кот недовольно заворчал, но подвинулся.

Под ним лежала тетрадь. Тоненькая, в чёрной клеёночной обложке, какие продают в любой мелочной лавке по пятаку. Корф её не взял. Должно быть, её здесь не было днём. Или была, но под котом.

Внутри были столбцы. Почерк мелкий, быстрый, с наклоном влево, совсем не такой, как в книге закладов. Даты, инициалы, суммы. «12 окт. А.В.Г. браслет зол. с сапф. 400 р.» «3 нояб. ген. Ш. серьги брил. 900 р.» «Ген. Ш.» Генеральша Штерн, подумала я, и у меня похолодели пальцы. Значит, Фёдор Семёнович всё-таки принимал. Принимал и записывал отдельно, туда, куда не заглянет полиция.

Я листала дальше. На последней исписанной странице стояла одна-единственная строчка, обведённая два раза так сильно, что перо продрало бумагу:

«Часы серебр., репетир, гравир. "Н.О." 300 р. НЕ ПРОДАВАТЬ. НЕ ОТДАВАТЬ».

Я перечитала её дважды. Кот смотрел на меня, не моргая.

Тогда дверная ручка повернулась.

Не входная. Задняя, та, что выходила во двор, за полками, я её днём даже не заметила. Повернулась медленно, до упора, и вернулась на место. Потом ещё раз. Кто-то за дверью проверял, заперто ли.

Было заперто.

Я стояла и не дышала. Свеча коптила. Кот прижал уши. За дверью скрипнул снег, раз, другой, шаги отошли и стихли.

Я выдохнула. Взяла от печки кочергу, на всякий случай, и только тогда увидела, что под задней дверью белеет бумага. Сложенный вчетверо листок, его просунули в щель над порогом.

Я подняла его двумя пальцами, как берут вещь, про которую ещё не знают, сколько она стоит.

Почерк был ровный, крупный, без единой кляксы.

«Верните часы, вдова. Иначе ляжете рядом с мужем».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.